

Заключение ведущего

Согласно инструкции, я в качестве ведущего должен генеральски надуть щеки и сделать некоторое заключение. Я не буду его делать. Я просто позволю себе, как участнику дискуссии, высказать мысли, которые у меня в этой связи возникли. Кажется, в Англии есть такое выражение: "Small is beautiful"— "малое прекрасно". Перефразируя его, применительно к нашей дискуссии, можно сказать: "Middle is beautiful" — "среднее прекрасно". Мне кажется, порой анализ требует доведения мысли до крайности, требует абсолютного разведения понятий. Здесь говорилось о противоположности соборно-вечерового и либерального подходов. Полезно и нужно пользоваться этим противопоставлением. Но в живой жизни это все-таки все соединено. Ахиллес не может догнать черепаху только в аппории Зенона. В реальности он ведь ее легко опередит. Мне кажется, что помнить об условности многих противопоставлений особенно важно сейчас, потому что те условия, в которых мы находимся (и здесь я вспоминаю вчерашнюю дискуссию о социальной структуре), создают особенно благоприятные предпосылки для взаимодействия и сосуществования крайностей, быстрого перехода одной в другую.

Это напоминает ту особенность строения земной коры, в соответствии с которой в одних и тех же областях складчатости в одни геологические эпохи образуются высочайшие горы, а в другие — самые глубокие впадины. Конечно, всякая аналогия только поясняет, а не доказывает. Я хотел подчеркнуть с ее помощью, что переходное время, в котором мы живем, неизбежно рождает двойную социальную структуру. Вчера о ней много говорилось, перечислялись новые и старые группы. Мне кажется, стоило бы обратить внимание вот на какое обстоятельство: переходность не только в том, что есть старые, слабеющие и какие-то новые группы. Самое сложное, а может быть, одно из самых важных, то, что каждый из нас или, по крайней мере, большинство находятся одновременно в этих двух структурах, а может быть даже в нескольких социальных структурах. Одновременно в нескольких социальных группах, взятых, в сущности, по одному и тому же основанию. Данные столь замечательного мониторинга,

публикуемые Интерцентром и ВЦИОМом, показывают, какую роль для многих играет сегодня вторая работа. И она зачастую может оказываться совсем иной с точки зрения социальных условий. Интеллигент предпринимает тысячи всяких торговых комбинаций, превращаясь в бизнесмена. Наемный рабочий вечером выступает в роли мелкого хозяина. Банкир с тоской думает о временах, когда он был инженером. Эта ситуация в каких-то случаях относительно проста, в каких-то случаях вторая работа является просто дополнительной к основной, а в других случаях, наоборот: главное — вторая работа. Чаще всего человек еще сам не ощущает, какая из этих работ главная. И это создает ситуацию, когда за две недели может поменяться все социальное мироощущение человека. "Впадина" выпячивается и превращается в Монблан, или наоборот.

Еще один момент. Евгений Николаевич Стариков в последнем своем, очень возбуждающем, но, я бы сказал, не самом вдохновляющем выступлении говорил о естественном возмущении ружья, из которого перестают стрелять. При этом под ружьем он разумел человека, делающего ружья. Я-то думаю, что пока мы все сидим здесь, наш долг, если хотите, подавлять в себе "и ружье", и личное возмущение. Пытаться, так сказать, встать над сиюминутными страстями. С этой точки зрения, я думаю, очень полезно рассматривать злобу дня в долговременной перспективе, помня, так сказать, о большой волне истории. Здесь упоминали Ю.Корякина. Он в свое время как-то сказал, что "наконец-то понял, что не только у нас уши не растут выше лба". Если мы будем думать не о 1910—1915 г., а, скажем, о Новом времени в целом, то увидим, что, по большому масштабу, Россия идет тем же европейским путем. И заявления о коренной противоположности России и Запада выглядят в этом масштабе явным преувеличением. В XIX в. немецкая или итальянская публицистика рассуждала о гнусности Запада, о чуждости западных идей подлинному германскому духу и т.п. Почвенность — этот термин ведь не в России родился. Насколько я понимаю, он родился в этой самой "Германии туманной" и оттуда к нам пришел. Я не знаю, были ли такие настроения во Франции, но заведомо их не было, кажется, только в Англии. Все остальное уже не Запад. Конечно, бессмысленно и глупо думать о буквальном повторении. И те, кто пытаются говорить о принципиальной особости России, бессознательно паразитируют на подлоге, на том, что ситуацию в России, говоря о Западе, буквально сравнивают с каждой конкретной страной и доказывают очевидное несовпадение. А вот если говорить о модельных, о схематичных характеристиках, то оказывается, что речь идет просто о разных этапах, которые разные страны европейской цивилизации (включая Россию) проходят в разное время. При таком подходе сравнение с Западом показывает, в общем, одну и ту же последовательность этапов. И то, что говорилось сегодня Левадой о смерти интеллигенции, относится к России так же, как к Западу. Опять-таки, не будем доводить эти выводы до безумия. Давид ведь был не просто паразитом Голиафа, и даже не только

царем, он еще был псалмопевец. Эта функция, вообще-то говоря, остается. Или, по крайней мере, может быть востребована.

То, что Россия при всех различиях все-таки повторяет общеевропейскую последовательность исторического движения, рождает оптимизм. Только будем помнить одно, что всегда есть опасность срыва. Как в детском лото, когда вы попадаете в какую-то точку, вы можете начать этот порочный круг сначала. В этой связи я не могу полностью согласиться с тем, что "на то и Жириновский, чтобы Ельцин не дремал". Это попытка лечить головную боль посредством отрубания головы. Это все-таки слишком рискованная вещь. Я не буду утверждать, что движение Жириновского в полном смысле слова фашизм, но это нечто, очень похожее на него, нечто, из чего может выйти фашизм. Если фашисты берут власть, добром они потом ее не отдадут. Это уже не щука в море, бодрящая карася. Это те ядовитые сине-зеленые водоросли, от которых потом не освободишься.